

Хрустальный щит

России. - 1993 - 5 ч. 12.

«И в этом году перед нами лежит время, еще не тронутое, время, которое перед нами расстилается как снежная равнина - чистая, незапятнанная. (...) Пойдем с благодарностью, но научимся благодарить за все, потому что все нам от Бога во спасение, все - дар: и светлое, и темное, и горькое, и сладкое, и скорбь, и радость».

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

Эти мужественные и ясные слова прозвучали без малого четверть века назад; во время новогоднего молебна их произнес владыка Антоний (Блум), митрополит Сурожский, один из самых замечательных пастырей Русской Православной Церкви. Их стоит вспомнить в канун теперешнего Нового года. Умея благодарить лишь за «оладки» и ожидая от будущего одних послаблений и поблажек, мы рискуем довольно успешно провести праздничный вечер.

Прошедший год, что и говорить, был тяжеловат. Незвестно, будет ли легче следующий, но тем более не годится встречать его в подавленном настроении. Чем сильнее согнута спина, тем больше на нее и навалится. Будем держаться прямо.

Что-то очень существенное изменяется или уже изменилось в жизни - и в театральной, за которой я слежу по профессии, и в общественной, со всеми ее пригорками, ручейками, дураками, жуликами и фантазиями, и в той внутренней, которую человек проживает наедине с собой. Говорить, что все меняется к лучшему, значило бы обманывать себя и других, да и кто поверит такому пугливому оптимисту. Но и поворот к худшему может быть принят как дар, как крутая поправка к сбитому курсу.

Кому как, а мне почему-то не хочется оплакивать театральную нищету - потому, должно быть, что меня долго коробили самодовольные и невыразительные поуты на «богатство». За редкими исключениями они были пошловаты по замыслу и аляповаты по исполнению - и нам наглядно показали в начале 90-х годов, как разнообразны могут быть роды и виды сценической пошлости. В изобилии была представлена «стильная» пошлость, имела место пошлость па-

тетическая, преисполненная благих намерений, наконец, растекалась по академическим сценам рутина обыкновенная. Разумеется, все это добро никуда не денется: пока живы производители, будет и продукция. Но есть надежда, что в наступающем году - с поправкой на бедность - клюква по необходимости будет менее развесистой, риторика менее напыщенной, а рутина более скромной.

При всех различиях в выборе направления и уровне таланта традиционный театр начала 90-х, от МХАТа и Ленкома до «Артеля Артистов» и «Школы современной пьесы», в качестве ориентира принял мещанский «средний вкус». Этому театру нестерпимо хочется быть буржуазным - буржуазно-респектабельным, буржуазно-одухотворенным или буржуазно-гривуазным. Я совершенно не собираюсь обсуждать здесь перспективы развития капитализма в России, но на сегодняшний день ситуация представляется несколько фантастичной: бедный театр и бедный зритель из кожи вон лезут, чтобы казаться друг другу мало-мальски богатыми. Взаимный обман делается залогом эстетического удовольствия, а работа на штампах, актерских и режиссерских - единственно возможным языком общения. Можно быть благодарным и театру, навешивающему мирную дремоту, и театру, развлекающему нас недоделанными прыжками и ужимками, - они действуют на зрителя, как жидкость от зубной боли на измывавшегося страдальца: на вкус противно, а все-таки неет поменьше (учтем, что болелотелители помогают ненадолго и вызывают быстрое привыкание).

Но насколько прекраснее и честнее театр радостного самоограничения, театр стоическо-артистизма! Он позволяет себе ставить серьезные, жизненно творческие задачи. Он дает понять, как мало нужно искусства для того, чтобы быть пре-

красным, - сказать точнее, сколь многое может быть восполнено стараниями человека и как много в человеке такого, что ничем другим не может быть восполнено. Возможно, на наших глазах происходит плавная перемена театральных вкусов: искусство учится хранить свое достоинство и изящество в бедности - не в брутальной скудости 60-х (доски, дерюга, черные стены и лупящие по глазам прожектора), а в просветленной аскезе, где жест мягко, свет ровен и лица улыбаются. «Слово о полку Игореве» в Мастерской Клима, «Волки и овцы» на курсе Петра Фоменко - дождемся новых премьер Михаила Мокеева, Сергея Женовача и Ивана Поповского, обещанных на середину января, и тогда поговорим на эту тему отдельно и подробно.

Впрочем, важно сказать два слова о театре Клима - самом тихом и, может быть, самом тонком театре Москвы. «Слово о полку Игореве» пропевается-проплетывается в его спектакле трижды, с начала до конца: как стихира, как народная игра-песня (вроде «А мы просо сеяли, сеяли») и как фри-джазовая импровизация. Существенно, что история русской письменности начинается с истории поражения, не умаляющего славы; существенно, что вопиюще бедный, совершенно аполитичный и подлинно благородный театр поет эту историю в декабре девяносто второго.

Мы сами не замечаем, как изменил состояние мыслей навыв свободное рассуждения. Чтобы осознать это, нужно вернуться не так далеко, хотя бы к журнальной публицистике первых перестроечных лет и поразиться: как кургузо, как скважно звучит теперь то, что казалось потрясающе новым и открывающим ослеп! Как легко было радоваться поверхностным, частным и недоговоренным ответам на самые болезненные вопросы и как невинны были сами вопросы.

При авторитарном режиме

Фото Аркадия КОЛЫБАЛОВА

свободомыслию угрожают не только репрессии, но и чудовищное сплюсывание всех прошлых в один комок недовольства. Высказанный протест нечленоразделен, невысказанный - недодуман. Сегодня мы продолжаем расплачиваться по этому же счету: крикливость интонаций и избыточная лихость суждений (столь же поверхностных, как прежде) вошли в привычку и заменили свободомыслие тем, кому оно пришлось не по силам. Расслышать не по силам. Расслышать не по силам. Перевозбужденный и слишком остроумный собеседник, трудно, а таких собеседников много. Они гремят, визжат и создают неприятный фон, работая по принципу радиоглушилки. Но если за все прошедшие годы вы не выбрали собеседников по вкусу - тихих, делных, цельных, - это ваша вина. Людей со

свободно выстроенным миропониманием, с цельным мышлением сейчас в России, может быть, больше, чем когда-либо, - особенно если прибавить к живым голосам изданные книги.

Для того, чтобы расслышать спокойные голоса, прежде всего нужно самому успокоиться. Душевный покой - необходимое условие свободы. Его употребляют и защищают различные вещи: добротное выполненная работа, например, или хорошо проведенный праздник. Привычка расплачиваться с долгами - это касается не только денег. Искусство благодарности. Знание того, что худшее тобой сполна заслужено, а лучшее тебе подарено. Умение веселиться, отложив на время всякие житейские попечения: все это - средства индивидуальной защиты.

Если вы, пусть на последние деньги, купили к Новому году бутылку шампанского (и не очень долго возмущались ценой), вы поступили правильно. Новогодний бокал - это хрустальный щит, прикрывающий от ударов очень многое: домашний уют, душевное тепло, праздничную обстановку, в конце концов - все ту же внутреннюю свободу. Позвольте мне сделать вид, будто я чокаюсь с вами. Желаю вам счастья! Желаю вам готовности к счастью, потому что это тоже очень важно: вовремя его узнать, достойно принять... Запустили ли вы, как на филолетовом заднике вспыхнула цитата из Блока?

«Узнаю тебя, жизнь, принимаю, и приветствую звоном...»